Е.С. Ярыгина

МЕНТАЛЬНАЯ ФОРМА ИЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП РЕЧИ? К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИЙ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

Статья посвящена лингвистическому статусу конструкций вывода-обоснования, которые в традиционном русском синтаксисе относят к группе несобственно-причинных сложных предложений. Конструкции вывода-обоснования представляют собой минимальную структуру для рассуждения как формы мысли. В этой структуре осуществляется комбинация двух функционально-смысловых типов речи — повествование в главной части сложноподчиненного предложения с описанием — в придаточной или повествование в главной части с повествованием — в придаточной. Рассуждение, в отличие от повествования и описания, справедливо относимых к функционально-смысловым типам речи, — это внутренне структурированный текст, интегрирующий разные смысловые типы речи.

Ключевые слова: конструкции вывода-обоснования; несобственно-причинные сложные предложения; умозаключение; описание; повествование; рассуждение.

Конец XX века и в лингвистической науке, и в школьной практике преподавания русского языка отмечен интересом к тексту, к образу говорящего и его речевым стратегиям. В науке были выдвинуты идеи, соединяющие уровень слова, предложения и текста, появились новые термины. В рамках концепции «Коммуникативной грамматики» [2] была разработана четырёхуровневая модель интерпретации текста, которая позволила соединить стратегию текста, тактику, типы речи и языковые единицы [2: с. 445]. Эта модель была включена в программу факультативного курса «Русский язык. От системы к тексту» для 10–11-х классов гуманитарной специализации и реализована в учебнике для 10 класса [3]. Применение этой модели позволило решить проблему рассуждения как одного из трёх традиционно понимаемых функционально-смысловых типов речи (повествование, описание, рассуждение).

Объектом исследования настоящей статьи являются конструкции вывода-обоснования (далее — КВО), в структурном плане представляющие собой соединение двух предикативных частей (предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в котором проявляется речевая тактика говорящего: от вывода — к обоснованию. В соответствии с предложенным пониманием КВО может быть представлена как одним предложением (сложноподчиненным или бессоюзным сложным), так и последовательностью двух простых предложений, контактно расположенных и отделённых друг от друга на письме

точкой. Тем самым КВО — это рече-мыслительная структура, позволяющая соединить в одной синтаксической единице (или в сочетании предложений) два функциональных типа речи, в частности, повествование (информативный тип речи) в **выводе** с описанием (репродуктивный тип речи) в **обосновании** или повествование в **выводе** с повествованием в **обосновании**. Комбинация двух функциональных типов речи создает КВО, т.е. минимальную структуру для рассуждения. Например: *На террасе мужчины пили ликер и закусывали ягодами;* ***один из них, судебный следователь, толстый пожилой человек, балагур и остряк, должно быть, рассказывал какой-нибудь нецензурный анекдот*** (1)*,* ***потому что, увидев хозяйку, он вдруг схватил себя за жирные губы, выпучил глаза и присел*** (2) (А.П. Чехов). Выделенный фрагмент предложения представляет собой КВО, в которой в части (1) содержится вывод говорящего, а в части (2) — обоснование.

В ряду трёх понятий — ***повествование, описание, рассуждение*** — последнее до сих пор является наиболее трудным для определения и интерпретации. Так, в учебнике для 10–11 классов [1] рассуждение определяется следующим образом: «**Рассуждение** — это словесное изложение, разъяснение, подтверждение какой-либо мысли. Рассуждение отличается от повествования и описания более сложно построенными предложениями (с обособленными оборотами, различными типами бессоюзной и союзной связи); лексикой (употребляется больше слов, обозначающих отвлечённые понятия)» [1: с. 164]. Далее указывается основная цель говорящего (убедить адресата) и в общих чертах характеризуется структура умозаключения (тезис, аргумент, пример, вывод). В конце раздела, посвящённого ***рассуждению***, авторы учебника признают, что деление между стилистическими жанрами текстов условно, «как и сама граница между повествованием, описанием и рассуждением» [1: с. 170]. Тем самым понятие ***рассуждения*** оказывается не прояснённым для учащихся, поскольку отмеченные авторами как характерные признаки ***рассуждения*** обособленные обороты, сложные предложения и абстрактная лексика в русской художественной литературе употребляются также и в ***описаниях*** и ***повествованиях***.

Недостатком школьного подхода к функционально-смысловым типам речи является отсутствие определения термина «тип речи».

Разграничение ***типов речи*** в риторике, а позже — в школьных учебниках русского языка осуществлялось в зависимости от типа отражаемой действительности: статической (описание) или динамической (повествование). С развитием русской реалистической литературы и формированием структуры образа автора типы речи стали разграничивать с учётом и второго критерия — позиции говорящего. В текстах русской литерату-

ры мы встречаем не просто описательные или повествовательные фрагменты, а описание с точки зрения непосредственного наблюдателя и описание по памяти, повествование с точки зрения соприсутствующего рассказчика или героя и исторические повествования. Следовательно, коммуникативный тип речи приобретает «два измерения», в соответствии с которыми и должно определяться это понятие.

Определение понятия ***тип речи*** должно включать следующие признаки: 1) характер отображаемой действительности — динамика событий (повествование) или статика пространства (описание — пейзаж, интерьер, портрет); 2) позиция, роль говорящего как непосредственного наблюдателя, носителя знания или мнения, выразителя воли или эмоции; 3) коммуникативное намерение говорящего (сообщить, убедить, побудить). По нашему мнению, комплексом отмеченных признаков обладает только ***рассуждение***, поэтому ***повествование*** и ***описание*** — **не являются собственно типом речи**, а представляют собой характеристики текстовых фрагментов по тематической доминанте: содержание ***повествования*** (в узком смысле) составляет изложение последовательности событий; содержанием ***описания*** является последовательность зрительно воспринимаемых объектов.

Указанные признаки нашли отражение в определении коммуникативного типа речи, предложенного авторами «Коммуникативной грамматики»: **тип речи** — это определённая модель речевой деятельности, обусловленная характером отображаемой действительности, позицией и коммуникативным намерением говорящего. При этом вместо термина ***коммуникативный тип речи*** в научной грамматике используется понятие ***коммуникативный регистр речи***. А в школьной практике сохраняется общее понятие ***функционально-смысловой тип речи***, закреплённое за ***описанием, повествованием*** и ***рассуждением***. Применение понятия ***коммуникативный регистр речи*** и модели четырёх ступеней анализа текста, предложенной «Коммуникативной грамматикой», позволяет раскрыть сущность ***рассуждения*** как явления более высокого порядка, чем ***повествование*** и ***описание***. В основе школьного понимания функционально-смысловых типов речи лежит тематический (содержательный) признак: сообщение о действиях — в ***повествовании***, высказывания о предметах и их признаках — в ***описании***, абстрактные понятия — в ***рассуждении***.

Основу **рассуждения** составляет то, что в логике (науке о правильном мышлении) называется умозаключением. Набор терминов, при помощи которых обнаруживается структура текста-рассуждения (тезис, доказательства, аргументы, вывод), был выработан в теории умозаключения. Тем самым ***рассуждение***, в отличие от ***повествования*** и ***описания***, всегда

представляет собой внутренне структурированный текст. Поясним, что это значит. ***Повествование*** состоит из ряда сообщений о событиях: связь между событиями временная и от говорящего не зависит (ср., например, репортаж). ***Описание*** — это ряд сообщений, полученных в результате последовательных наблюдений: связь между объектами восприятия пространственная и от говорящего не зависит (ср.: ***Господский дом уединенный, Горой от ветров огражденный, Стоит над речкою. Вдали Пред ним пестрели и цвели Луга и нивы золотые, Мелькали селы; здесь и там Стада бродили по лугам <…>*** — Пушкин). Говорящий лишь констатирует последовательность воспринимаемых объектов. ***Рассуждение*** же соединяет мнение говорящего и факты, на основании которых это мнение формулируется. Но в художественном произведении логическая структура рассуждения, как правило, полностью не воспроизводится, поскольку вывод, по сути дела, есть повторение тезиса. Предметом рассуждения становятся не только абстрактные понятия, но и свойства человеческой души, воплощённые в конкретных художественных героях. Это может быть и мнение о человеке, ср. характеристику Вернера в журнале Печорина:

(1) ***Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмехался над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом… Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, — больные взбеленились, почти все отказали ему.***

В соответствии со школьным подходом этот отрывок квалифицируется как ***описание***: в нем дана характеристика персонажа, перечислены черты его характера. Однако перед нами текст, построенный по структуре рассуждения: предложение (1) представляет тезис, содержание которого составляет оценка говорящим персонажа (***Вернер — человек замечательный***); все остальные предложения — аргументы в пользу тезиса, или ос-

нования оценки, то есть причины, по которым говорящий именно так оценивает героя. Нетрудно заметить, что аргументация осуществляется на основе знания или непосредственного наблюдения. К области «частного» знания говорящего относятся высказывания, характеризующие Вернера: ***скептик и матерьялист, вместе с тем поэт, изучал живые струны сердца, не умел воспользоваться знаниями, насмехался над больными, был беден, мечтал о миллионах, у него был злой язык, не один добряк прослыл дураком, соперники распустили слух, больные взбеленились, отказали ему***. Фрагменты, оформленные сравнительными оборотами и придаточными предложениями, воплощают более высокую ступень мыслительной деятельности говорящего — обобщение на основе знаний, ср.: ***почти все медики — скептики и матерьялисты; как (обычно) изучают жилы трупа; иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки —*** такие фрагменты можно квалифицировать как повествовательные. К описательным следует отнести высказывания ***я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом; он мне раз говорил***, в которых реализуется непосредственное восприятие говорящего — зрительное или слуховое. В качестве аргументов или оснований оценки говорящий кроме собственных знаний и обобщений привлекает также «чужую» точку зрения, в частности, мнение самого Вернера (***скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника***). Тем самым аргументы подбираются говорящим, и причинно-следственные отношения между тезисом и аргументами в его пользу устанавливаются также самим говорящим.

Таким образом, характерными особенностями ***рассуждения*** как модели речевой деятельности, реализующей мыслительную деятельность говорящего, является 1) использование описательных и повествовательных фрагментов, функционирующих как аргументы в составе рассуждения и представляющих не только разные позиции говорящего (мнение, обобщение, восприятие), но и разные точки зрения (мнение других субъектов сознания и речи); 2) наличие причинно-следственных отношений между тезисом (он же вывод) и аргументом (или аргументами), обоснованием. Такая текстовая структура принадлежит сфере тактики текста, когда говорящий по своему усмотрению (а не в соответствии с развивающейся жизнью) выстраивает текст. Под текстовой тактикой мы понимаем такие приемы построения текста, как **сознательное соединение** говорящим разных позиций говорящего (субъект мнения – субъект знания или субъект мнения – субъект восприятия) и разных точек зрения (мнения разных пер-

сонажей или мнение героя и мнение автора); соединение в составе одного текста-рассуждения повествовательных и описательных фрагментов; объединение в одном тексте констатации факта и его интерпретации (оценки) говорящим и др. [2: с. 446–447]. В качестве аргументов используются повествовательные части, в которых ведётся рассказ о действиях героя, и описательные, представляющие черты его характера или внешность. Самой важной характеристикой ***рассуждения*** в этом случае становится коммуникативная интенция говорящего — убедить адресата в своей правоте. Для достижения этой цели говорящий использует причинно-следственные конструкции. О наличии причинно-следственных конструкций и соответствующих причинных союзах школьные учебники пишут, однако ничего не сообщают о специфике причинных отношений в рамках рассуждения.

Аргументы могут предварять тезис, который в этом случае оказывается выводом, ср. XVIII, XIX, XX, XXI, XXII строфы четвертой главы «Евгения Онегина», в которых Пушкин рассуждает о том, кого же на этом свете стоит любить. Вывод звучит так: ***Призрака суетный искатель, Трудов напрасно не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней, верно, нет его***.

В теории сложного предложения принято разграничивать собственно-причинные (***Я не пошел в поход, так как сломал ногу***) и несобственно-причинные предложения (***Теперь, по-видимому, никого нет дома, так как никто не выходит на лай собак*** (Короленко)). Различие между этими типами сложных предложений состоит в том, что собственно-причинные (причинно-следственные) выражают естественную временную связь событий, при которой **«причина»** как порождающее событие, **всегда предшествует «следствию»** как порожденному, ср.: отказ от похода был следствием перелома ноги, т.е. произошел после перелома. В этом случае предикативные части, обозначающие «причину» и «следствие» можно соединить посредством сочинительного союза ***и***, посредством которого возможно передать временную последовательность событий, ср.*:* ***Я сломал ногу и не пошел в поход*** — «причина» при этом должна располагаться в препозиции; предложение в целом сообщает о двух разновременных фактах.

В несобственно-причинных предложениях, которые мы терминологически обозначаем как конструкции вывода-обоснования, естественная временная связь событий или явлений отсутствует, и, следовательно, невозможно соединить предикативные части в них с помощью союза ***и***. Так, нельзя сказать: ****На лай собак никто не выходит, и дома никого нет***. Конструкции вывода-обоснования, а именно они лежат

в основе текстов-рассуждений, соединяют два факта, совпадающих во времени: один из них — наблюдаемый факт объективной действительности (***на лай собак никто не выходит***), другой — результат мыслительной деятельности говорящего, его вывод на основе наблюдения (***теперь, по-видимому, никого нет дома***).

Средством выражения мнения (вывода, субъективной версии говорящего) служат вводные слова ***видимо, видно, по-видимому, наверное, кажется, может быть*** и т.п., которые при трансформации могут заменяться на ***следовательно*** или ***значит***, но не на союз ***и***, например: ***На лай собак никто не выходит, следовательно, теперь никого нет дома***. Отношения вывода-обоснования составляют содержание одного из основных типов бессоюзных сложных предложений, для которого характерна обязательная бинарность (двойственность) и закрытость (две части, третьей не дано) конструкции. В школьном обиходе эти признаки связываются с одним из правил постановки двоеточия. Ср. у Д.Э. Розенталя: «Двоеточие в бессоюзном сложном предложении, распадающемся на две части, ставится, если вторая часть указывает основание, причину того, о чём говорится в первой части (между обеими частями можно вставить союз ***потому что, так как, поскольку***), например: ***Науку надо любить: у людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука*** (Горький)» [4: с. 149]. Именно отношения вывода-обоснования (но не причинно-следственные!) являются связью логической, то есть основанной на мыслительной деятельности говорящего. Умение устанавливать такие отношения и выражать их синтаксическими структурами — способность зрелого ума. Ребенку в 7, 10 и даже в 16 лет это умение без обучения не дано: рассказать о событиях может и дошкольник, но построить логически верное рассуждение может только тот, кого этому учили. Существующие школьные учебники предъявляют образцы рассуждений, но уделяют недостаточно внимания используемым в них языковым средствам и не объясняют, почему именно они употребляются.

Итак, сущность ***рассуждения*** обнаруживается в конструкциях вывода-обоснования: смысловые отношения, выражаемые в них, соединяют мнение-вывод и факты объективной действительности, которые приводятся в качестве обоснования приведённого вывода. Тем самым в тексте-рассуждении взаимодействуют мир человеческой мысли и мир объективной действительности. Ср., например: ***О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влечет, Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу: Запретный***

плод вам подавай, А без него вам рай не рай (Пушкин) — 1-я предикативная часть представляет вывод, содержащий оценку, 2-я — обоснование вывода, определяемое знанием говорящего; ***Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит… но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для тебя. Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни осталась победа — ты, по крайней мере, испытаешь удовольствие борьбы*** <…> (Тургенев) — в обоих предложениях вывод содержит побуждение говорящего, которое аргументируется в обосновании — 2-й предикативной части, располагающейся после двоеточия.

Если рассуждение представляет собой объёмный развернутый текст, то отношения вывода-обоснования устанавливаются между частями рассуждения, отдельными предложениями (простыми или сложными). Те же отношения могут выражаться средствами сложного предложения (сложноподчиненного и бессоюзного сложного).

Отличительными признаками предложений вывода-обоснования являются следующие: 1) наличие двух предикативных единиц (равных по смыслу двум предложениям); 2) наличие двух разных коммуникативных задач говорящего по отношению к адресату речи (сообщить вывод — обосновать его; побудить собеседника к действию — убедить в необходимости действия); 3) соединение двух позиций говорящего (как субъекта мнения — в выводе и как субъекта знания или наблюдения — в обосновании); 4) наличие языковых средств, обнаруживающих позицию говорящего (вводные слова или глаголы мысли в составе вывода — ***наверное, верно, вероятно, очевидно, может быть, по-видимому*** и т.д.; ***думать, считать, полагать, решить*** и т.д.; глаголы восприятия и речи в составе обоснования: ***видеть, слышать, уловить, чувствовать, говорить, сказать, сообщить*** и т.д.); 5) отсутствие естественной временной последовательности между событиями.

Поскольку в конструкциях вывода-обоснования соединяются две точки зрения (позиции) говорящего: как субъекта мнения, выдвигающего гипотезу, и как субъекта знания / наблюдения, то в одном предложении соединяются два типа информации: одна — гипотетическая, субъективная; другая — реальная, объективная. Именно поэтому постановка союза ***и*** между предикативными частями с данным значением невозможна.

Соединение вывода и обоснования — это соединение информации разного ранга: субъективного и объективного, собственного и чужого, личного и общего. Аргументом может быть объективный факт, полученный в результате собственного наблюдения, чужое знание или авторитетное мнение, а также общечеловеческая истина. Именно поэтому

в функции обоснования часто используются пословицы, поговорки, афоризмы, сентенции. Например: ***Блажен, кто верует: Тепло ему на свете*** (Грибоедов); ***К чему бесплодно спорить с веком? Обычай деспот меж людей*** (Пушкин); ***Мы время знаем В деревне без больших сует: Желудок — верный наш брегет*** (Пушкин).

Отношения вывода-обоснования могут выражаться между частями текста. См., например, стихотворение Пушкина «Если жизнь тебя обманет…»:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

Это стихотворение А.С. Пушкина построено как типичное рассуждение: вначале тезис (***не печалься, не сердись, смирись, верь***), потом обоснование (четыре последних строки); первые четыре строчки заключают совет, рецепт «спокойной жизни», последние — знание общечеловеческого закона. Тем самым собственное мнение обосновывается общечеловеческим законом.

Независимо от того, соединяются ли вывод и обоснование в сложном предложении или в составе текста как два самостоятельных предложения, сущность рассуждения-обоснования состоит в том, что в них меняется позиция говорящего — сначала он проявляет себя как субъект мнения (когда советует), а затем, в обосновании, — как носитель знания. Именно в смене коммуникативной задачи говорящего проявляется речевая тактика.

В модели четырёх ступеней интерпретации текста ***рассуждение***, соединяющее предложения разных информативных типов, относится к уровню речевой тактики, а ***повествование*** и ***описание*** принадлежат уровню коммуникативного типа речи. Повествовательные и описательные фрагменты могут входить в ***рассуждение*** в качестве обоснования, следовательно, ***рассуждение*** нельзя ставить в один ряд с повествованием и описанием.

Рассмотрим отрывок из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В этом отрывке, построенном как классическое рассуждение, иронически обосновывается автором выбор Стивой Облонским программы либеральной партии как основы его политических убеждений:

Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, <…> то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе всего к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России всё скверно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно недоставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело. Вместе с тем Степану Аркадьичу, любившему веселую шутку, было приятно иногда озадачить смирного человека тем, что если уж гордиться породой, то не следует останавливаться на Рюрике и отрекаться от первого родоначальника — обезьяны. Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове.

Отрывок начинается с тезиса-вывода о том, что политическое предпочтение Стивы Облонского было небеспричинным, далее даны три аргумента в пользу этого: экономическое положение России, взгляды на брак и отношение к религии. К третьему добавляется любимая шутка о Рюрике и обезьяне. В заключение делается вывод, в котором подводится итог и ещё раз формулируется тезис. Но структура классического умозаключения вступает в противоречие с ироническим содержанием: ирония возникает из причудливого взаимодействия голоса автора и голоса героя. Стива Облонский примерял программу либеральной партии к своей жизни (либеральное направление «ближе всего подходило к его образу жизни»). Вывод, с одной стороны, повторяет тезис, а с другой, — даёт оценку как Стиве Облонскому, так и самому либеральному направлению («легкий туман»). В качестве аргументов приводятся характеристики образа жизни и взглядов Стивы, что гораздо ближе к описанию. Всё рассуждение соединяет мнение автора, выраженное в тезисе и выводе, и взгляды героя, которые автор приводит в качестве обоснования.

Отношения вывода-обоснования принадлежат тексту, хотя могут быть представлены разными синтаксическими конструкциями: сложноподчинённым, бессоюзным сложным предложениями и текстовыми структура-

ми. Обоснование — это установление причины мнения. Содержание конструкций вывода-обоснования можно представить следующей формулой: «Я считаю, что.., потому что знаю / вижу, что…». См. в «Пиковой даме» Пушкина:

В самом деле, Лизавета Ивановна была пренесчастное создание. Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?

Вывод о несчастливой судьбе Лизаветы Ивановны подкрепляется не только афоризмом Данте, но и вопросительно-утвердительным предложением (риторическим вопросом), в котором говорится о социальном положении Лизаветы Ивановны. То есть мнение обосновывается знанием.

Если причина действия или изменения состояния осознается учащимися, то причина суждения (мнения) остается не вполне ясной. Это выражается не только в неумении строить рассуждение, но и в неумении ставить двоеточие в бессоюзном сложном предложении со значением вывода-обоснования. Это связано с тем, что еще не взрослое сознание не направлено на установление закономерных связей между мыслями, речью и фактами, например: ***Покамест упивайтесь ею, Сей легкой жизнию, друзья! Её ничтожность разумею И мало к ней привязан я; Для призраков закрыл я вежды; Но отдаленные надежды тревожат сердце иногда: Без неприметного следа Мне было б грустно мир оставить*** (Пушкин); ***В одном нашёл тетрадь расходов, В другом наливок целый строй, Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года: Старик, имея много дел, В другие книги не глядел*** (Пушкин).

Подводя итоги наблюдений и рассуждений о способах выражения обоснования, можно сказать, что наиболее трудным в школьной практике преподавания является аргументативный тип текста, который формируется при участии предложений вывода-обоснования. Прежде чем ставить перед учащимися задачу написать текст-рассуждение, необходимо научить его «видеть» причинно-следственные отношения там, где нет союза *потому что*; понимать, что причинные отношения могут соединять не только факты реальной действительности, а также факты и идеи, факты и мнения. Высказывания, содержащие мнения (результаты мыслительной деятельности говорящего), оформляются одними языковыми единицами и грамматическими категориями, факты, наблюдения — другими. Соединение того и другого осуществляется по воле автора в условиях конкретного текста в соответствии с определенными тактическими приемами, выбор которых обусловлен текстовой стратегией автора.

Литература

1. Власенков А.И. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи: учеб. пособие для 10–11 кл. общеобразовательных учреждений / А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова. – М.: Просвещение, 1996. – 350 с.
2. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
3. Золотова Г.А. Русский язык: От системы к тексту. 10 кл.: учеб. пособие для факультативных занятий в общеобразовательном учреждении гуманитарного профиля / Г.А. Золотова, Г.П. Дручинина, Н.К. Онипенко. – М.: Дрофа, 2002. – 320 с.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. – 3-е изд. – М.: ЧеРо, 1999. – 400 с.

E.S. Yarygina

Mental Form or Functional Type of Speech? On Linguistic Status of Output-Support Structures

The article focuses on the linguistic status of output-support constructions which are viewed in conventional Russian syntax as improperly classical-causal complex sentences. Output-support structures are minimum structures for reasoning as a form of thought. This structure is a combination of two functional semantic types of speech — narration in the main clause of a complex sentence with description in the subordinate clause or narration in both clauses. Unlike narration and description, which are typically referred to as functional-semantic types of speech, argumentation is inherently structured text which blends different semantic types of speech.

Key words: output-design rationale; improperly classical-causal inference complex proposals; description; narrative and discourse.